

Ну вот и закончилось лето,
недолгое в нашем краю.
Под небом осеннего цвета
среди листопада стою.
Нетрудно понять с полуслова,
что этой печали под стать:
Есенина или Кольцова
в такую погоду читать.
Уже безоглядно русея,
на круге печали земной
Сергея, потом Алексея
цитирую как заводной.
По русской печали осенней
на долгие лета вперед
остались Кольцов и Есенин —
а все остальное пройдет.

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

В мире множество разных дорог
и маршрутов,
но возникла такая догадка:
и в стране великанов,
и в стране лилипутов
Гулливверу придется несладко.

Мне по жизни хватает своих тараканов,
и хочу оказаться в итоге
не в стране лилипутов,
не в стране великанов,
а на старой Смоленской дороге.

ОДИНОКИЙ ВЕЛОСИПЕДИСТ

Заповеди осени заучены,
над водой кружится желтый лист.
Уезжает вдоль речной излучины
одинокий велосипедист.
У него глаза невероятные,
словно под колесами легли
все мои тропинки листопадные,
все дороги попереk земли.
Для чего рулить вокруг да около
в дальние случайные края
велосипедисту одинокому,
за которым — Родина моя?..

* * *

Веселый июль,
не жалея себя, колобродит,
избыточный август
гуляет, в фанфары трубя;
но лето уходит,
и жизнь понемногу уходит —
и то, и другое вернется,
не помня себя.

МЕЖДУ НЕБОМ И РЕКОЙ

1

Все когда-нибудь кончается:
время, деньги и покой,
и звезда моя качается
между небом и рекой.
В тишине мерцают ласточки,
тени кружат по воде
и трепещут крылья бабочки,
прикоснувшейся к звезде.

2

Мы стояли на причале,
а по воздуху плыла
слюдяная тень печали
стрекозиноного крыла.

Наше лето догорало,
пропадая ни за грош;
где-то музыка играла,
но слова не разберешь.

За рекой ходили грозы
по Калинову мосту,
перелетные стрекозы
молодели на лету.
Мы стояли у причала,
на краю добра и зла —
что за музыка звучала,
что за песенка была?..

3

Кособокая лодка, река...
Я сегодня до первой звезды
разгоняю веслом облака
на поверхности серой воды.
Ты любила меня наизусть
и почти позабыла теперь —
есть какая-то сладкая грусть
в осознании горьких потерь.
И куда по судьбе не плыви,
откликаются издалека
перелетные птицы любви,
утонувшая в небе река.

* * *

Осень играет страстями
на убывание дней,
листья швыряет горстями
в сторону жизни моей.
Все суета и химера,
но от угла до угла
возле Петровского сквера
тень Мандельштама легла.

НОЧНЫЕ ПИСЬМА

Как человеку не сойти с ума
от собственной печали и отваги?
В такую ночь — рассудочная тьма
и пляшущие буквы на бумаге.
Молчит кровать, уснувшая в углу,
застеленная нехотя и наспех,
а женщина, присевшая к столу,
кому-то снова пишет — курам на смех.

Как долго ей по жизни вековать,
не помечая адрес на конверте;
считая, что скрипучая кровать
не создана для страсти или смерти?

ОТРОЖИНСКИЙ СЕНТЯБРЬ

Неистовые краски сентября
гуляют по холмам и перелескам —
осенний праздник, грубо говоря,
а мне поговорить и выпить не с кем.
Последнее осеннее тепло
транзитом утекает за Отрожку —
и птицы улетели, как назло,
а то бы выпил с ними на дорожку.
Печаль — она и в Африке печаль;
не персонифицируя утрату,
я долго буду вглядываться в даль,
которая туманится к закату.